Мысли о Петербурге

Будет небо вымазано охрою,
Будет спать свинцовая вода.
Солнце вновь поднимется за Охтою,
Чтоб не закатиться никогда.

Будут сосны, камень, запах Балтики,
Плесень, позолота—всё равно.
Будет вечер. К чаю будут яблоки,
К рыбе будет белое вино.

Там, чтоб больше лишних слов не тратили,
Чтоб разбились годы о причал,
Образок Казанской Божьей Матери
Подарила мне моя печаль.

● ● ●

Ночь уходит на запад—
Время четвёртой стражи;
Время кратких снов
Стремится к концу. Нельзя же
Расплатиться за кров
Расплющенными медяками,
Преломляя хлеб
Забывшими боль руками.

Воплощай в стихе
То, что свято, забыто, скрыто;
Не сдавайся тем,
Кто кормит нас из корыта,
Словно скот,—огрызками слов
Лукавых и лицемерных,
Погребая зёрна между
Волчцов и терний.

Брат! Я знаю:
Нагими мы шли по жизни,
Не успев ни к брачному пиру,
Ни к тризне;
Не нажив мошны,
Дары сохранив иные,
Но не глупой Эрато—
Суровой Полигимнии;
Обуздав свой век
На самом его излёте.

И сгоревший в танке—
Не будет убит в пехоте.

● ● ●

Уйти туда, где неразрывен Бог
С твоей душой; туда, где до рассвета
Не гасят свет; туда, где на порог
Беда не сыплет снег; и если где-то
Лепечет дождь—то тёплый и грибной;
Где вдоволь мёда, винограда, хлеба;
Где сон протянется Орфеевой струной,—
Уйти туда, где ты ни разу не был.

Уйти туда—отсюда, где опять
Не помнят клятв и не прощают боли;
Уйти туда, а попросту—сбежать,
Как в поисках покоя или воли.
От волчьих ям, от лисьего «прости»,
От мёртвых снов, от квадратуры круга,
Уйти—сбежать… И всё-таки уйти;
Забыть себя. И что важней—друг друга.

Уйти, уйти туда, где колыбель
Качается на ветке вздохом ивы;
Где в тихий полдень в синюю свирель
Гудит сверчок; где все пока что живы
И молоды; где нежный хоровод
Из клевера, мелиссы, маргариток;
Где сумерки приветствуют восход.

Куда тебе—навек—пути закрыты.

Сочельник

Уже за полдень. Этот свет,
Входящий в дом по крестовине
Окна,—из дюжины примет,
Нам говорящих, что доныне
Ни от сумы, ни от тюрьмы
Не отреклись благоговейно;
Что станет идеал зимы
Пейзажем Харменса ван Рейна,
Тяжёлой нежностью в очах
Запечатлённого мгновенья—
Когда не угасал очаг
(Скрипит игла, трещат поленья);
Что, притормаживая бег,
Мы ощущаем вечность целью;
Что будет Бог. И будет снег
Младенцу первой колыбелью.

Такое удачное лето:
Хоть плакать, хоть печь пироги,
Пионы срезать для букетов,
Кутить, не считая долги;

Казаться надменным и дерзким,
Играть, не рисуясь ничуть;
Неспешно пройти Камергерским,
На Дмитровку чинно свернуть.

Здесь ночи светлы и невинны,
Здесь вечны средь мраморных глыб
Что белая прихоть жасмина,
Что мёд отцветающих лип.

А там — полыхают рассветы
Зарёй окровавленных ран,
Такое тяжёлое лето
Предрёк нам седой шарлатан,

Там степь выжигает пожаром,
Там встретятся плоть и свинец —
Недаром, недаром, недаром
Пророчат России конец…

Такое прекрасное лето.
Из рук упадёт на диван
Листок заграничной газеты:
«В Сараеве… Франц-Фердинанд».

• • •

Когда ты уезжаешь,
Город становится нем;
Невнимателен к памяти
Прожитых нами дней.
Расстоянием неба —
Лишь изредка, лишь во сне —
Прикоснуться к душе твоей
Или руке твоей…

Если ты замолкаешь,
Дом становится пуст,
Чист и выметен, как для поминок,
Для бремени вещих снов
Шелест крыльев над крышей
Или же холод уст —
Сотвори им память,
Пролистывая часослов.

Обернись, прошу!
Не уходи в никуда
От страны полночной,
Где нет надежды вздохнуть.
Этой ночью с неба,
Наверно, падёт вода,
Чтобы смыть следы
И торный открыть нам путь.

• • •

Ах, не въехать уже ни рысью, ни шагом, ни цугом;
Не смахнуть пылинку с любимых дорогой сандалий.
День прощается с ночью, и, словно дожди, друг за другом,
Настигают письма, которых больше не ждали.

День прощается с ночью, а сумерки вносят запах
Одинокой лепёшки с маслинами — весь твой ужин.
Кот свернётся клубком, затаив ожиданье в лапах.
Часослов прочитан, закрыт, когда ещё будет нужен…

Или камень до звона выбелен долгим летом?
(В поднебесье ангел персты воздевает, плача.)
Или память всё глуше — и колет в предсердье где-то
На чужом языке?.. Как всё это мало значит!

Нет, не въехать уже, не поспеть ни к похмелью, ни к пиру.
И в толпе не стоять ни Мессией, ни стражем, ни вором.
Ночь приходит с востока и льёт свою благость, как миро,
На любимый тобой — ненавидимый Понтием — город.

Август

Нынче ночи тяжелы и бездонны.
Ворон каркнет — и умолкнет, как совесть.
Дочитать бы хоть сейчас, если вспомним,
Эту повесть, эту горькую повесть.

Чем расплачивалась? Строчкой крест-накрест?
Хрипом в горле? Адресами любимых?
(Это август, дорогой, это август —
В нём тоска и сердце неразделимы.)

Заголовками в забытой газете,
Воплотившейся сквозь годы угрозой…
Это ветер, жизнь моя, это ветер.
Он и должен будет высушить слёзы.

• • •

Убежать бы с тобою на край земли,
Перепутав закаты, рассветы, дни,
Не смотреть на часы. Только там, вдали,
За рекою — опять загорались огни.

И кровавый стелется след по траве,
И заря догорает, пророча смерть.
Пуль в обойме — видишь? — осталось две:
По одной на каждого, лишь успеть.

Что гадалка врала о войне, о любви?
Воротился ветер — и всё сбылось.
Письмецо в конверте — постой, не рви.
Недописано, видишь: то вкривь, то вкось…

Убежать бы вместе в тот край тишины,
Где звезда над крышей, где моря синь,
Где забытые наши детские сны.
Только мы не сможем.
Аминь.